

Люди и нравы за полвѣка ¹⁾.

XXX.

Въ половинѣ іюля этого года на ночномъ поѣздѣ я ука- тилъ въ одинъ изъ губернскихъ городовъ, расположен- ныхъ на большой судоходной рѣкѣ. Поѣздъ пришелъ часа въ два пополуночи. Было прекрасное утро: солнышко только-что выглянуло изъ, за горизонта; на небѣ—ни одного облачка; утренній вѣтерокъ навѣвалъ легкую прохладу.

Я, по обыкновенію, не сомкнулъ глазъ во всю дорогу. Де- сять лѣтъ тому назадъ для меня были совершенно другія усло- вія поѣздки въ Донецъ: я оставлялъ Москву восемнадцати- лѣтнимъ юношей, зараженнымъ мыслью служить своему дѣлу и... только. Правда, проявлялась у совершенно неопытнаго юнца нѣкоторая боязнь законопатить себя въ какой-то муръѣ послѣ матушки-Москвы-то; но съ этимъ я очень скоро при- мирился, такъ какъ мнѣ, что называется, съ первыхъ ша- говъ самостоятельной жизни повезло. Теперь—другое дѣло. Теперь я былъ уже женатъ, имѣлъ извѣстныя обязательства, и такъ легко сжиться съ новыми условіями службы, какъ сжился въ Донцѣ, было для меня, конечно, несравненно труднѣе.

Но... что Богъ ни дѣлаетъ, все къ лучшему.

Поѣздъ подходитъ къ станціи. Звонокъ; свистокъ кондук- тора, все, какъ слѣдуетъ.

Вышелъ изъ вагона, попросилъ носильщика помочь мнѣ вытащить всѣ вещи (ужъ по этому видно, что обзавелся же- ной: безъ носильщика не обойдемся!) и нанялъ извозчика на пароходъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, Февраль 1913 г.

Въ первый разъ въ жизни мнѣ предстояла поѣздка на пароходѣ и, очень понятно, что новый способъ передвиженія меня очень интересовалъ.

Когда я, обложившись всѣми своими вещами, пересчиталъ, тыкая пальцемъ въ каждую изъ нихъ (таковъ былъ приказъ Богомъ данной мнѣ подруги жизни), тронулся чрезъ городъ на пароходную пристань, то былъ чрезвычайно счастливъ тѣмъ, что на улицахъ соннаго губернскаго города не встрѣтилъ ни одной души. Я не считаю дворниковъ, которые подметали улицы, подымая тучи пыли.

Извозчикъ, какъ на грѣхъ, попался совсѣмъ особенный. Это какой-то уличный музыкантъ, а не извозчикъ; колеса скрипятъ, какія-то развинченныя гайки, у лошаденки селезенка шлепаеть на всю улицу...

А когда мы выѣхали за городъ, то пошли такія колдобины, что я просто жизнь проклялъ: то на одну сторону валишься, то на другую; то чемоданъ поддерживаешь, то корзину, то картонку, а то и цѣлую постель. Просто рукъ не хватало!

Но, однако, всему бываетъ конецъ, пришелъ конецъ и моему страданью. Вдали блеснула широкая лента многоводной рѣки; какъ мертвая лежала бы она въ своемъ ложѣ, если бы мѣстами разыгравшіяся рыбки не выпрыгивали изъ нея и, падая стремглавъ, не нарушали ея величественнаго покоя.

Жизнь на рѣкѣ еще не просыпалась. Даже на длинномъ плашкоутѣ виднѣются только одинъ дежурный мостовщикъ, да два-три заядлыхъ рыболова снаряжали свои удочки и подпуски.

Вотъ пристань. Я думалъ, что, какъ сторожа на желѣзныхъ дорогахъ, накинутся на меня и на мою кладь „матросы“, но—на „Шипкѣ все было спокойно“... Пришлось съ извозчикомъ раздѣлить наши труды по переноскѣ тяжестей.

Забрался я прямо во второй классъ и тутъ же около себя разложилъ вещи, точно какъ дома. Это не то, что на желѣзной дорогѣ; тамъ только и слышишь: „господинъ, уберите ваши вещи; тутъ мѣсто на тронхъ“!

На пароходѣ дѣло другое: просторъ, свобода.

Само собой разумѣется, что, не будучи знакомъ съ пароходными порядками, я постарался размѣстить багажъ на сколько возможно уютнѣе; диванъ выбралъ себѣ около окна, разстелилъ одѣяло и подушку и сразу почувствовалъ себя гражданиномъ.

Пассажировъ пока было очень мало: времени не болѣе четырехъ часовъ, а пароходъ отчаливалъ отъ пристани только въ семь; понятно, что съ такого ранья забирались очень не-

многіе: или семейные прїѣзжали съ вечера, чтобы не тревожить дѣтей переѣздомъ въ ночное время, или же съ желѣзной дороги переправлялись прямо на пароходъ, чтобы не останавливаться въ гостиницѣ на два-три часа.

Спать уже не хотѣлось, чаю взять было негдѣ, такъ какъ буфетъ еще не работалъ, и я вышелъ на палубу.

Все та же тишь окружала меня; чистѣйшій рѣчной воздухъ, пропитанный ароматомъ заливныхъ луговъ низменнаго берега красавицы-рѣки, проникалъ въ легкія и сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ.

Я вышелъ на палубу—ни одной бодрствующей души! Всѣ пассажиры третьяго класса спали враспяжку на полу и на рѣшетчатыхъ лавкахъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ; даже дежурный матросъ, прислонясь спиною къ паровой трубѣ, никакъ не могъ побороть одолевавшей его дремоты, лѣниво поднимая при моемъ проходѣ тяжелыя вѣки и тотчасъ же смыкая ихъ опять.

Изрѣдка стали подъѣзжать пассажиры... Въ рубкѣ перваго класса какая-то безпутная компанія изъ трехъ мужчинъ играла въ карты; около нихъ сидѣла измученная подневольнымъ бдѣніемъ въ теченіе цѣлой ночи дама, очевидно, страдалица-жена одного изъ партнеровъ.

— Надя! да ты бы шла, голубчикъ, спать... слышится ласковый мужской голосъ.

— Да... уйди... попробуй... опять кошеванье начнется... Не надоѣло еще... Лучше ты вотъ иди спать-то...

— Да вѣдь нельзя: намъ еще полпульки осталось играть...

Я совершенно понималъ этого любвеобильнаго супруга: играть еще полпульки... горла промочить нечѣмъ... а она тутъ торчитъ!..

Не ко времени, милая дамочка, право, не ко времени...

Достать холодную закуску, водку, вино, пиво—все можно въ буфетѣ (это вѣдь не на желѣзной дорогѣ, гдѣ изволь, высуня языкъ, бѣгать по звонку), а тутъ вотъ законный церберъ сидитъ и всему мѣшаетъ.

— Послушайте! обращается кто-то изъ партнеровъ къ паровому лакею: принесите полдюжины Ермолаевского пива...

— И лучше не носите!.. яростно вопить энергичная супруга: все выкину въ рѣку... Мало вамъ еще той прорвы, что въ цѣлую ночь-то вылакали... Посмотрите-ка на себя, на что похожи?!

— Это послѣднія будутъ... Ей-Богу послѣднія... Больше спрашивать не будемъ.—Разрѣшите, Надежда Ивановна...

— Ни... Ни... Ни... ни за что! взвизгнула Надежда Ивановна. „Ну, доняли, однако, ее, бѣдняжку“! подумалъ я.

Отходя тихо отъ рубки, я мелькомъ заглянулъ въ ея окно: кромѣ ломбернаго стола былъ еще накрытъ столикъ, на которомъ мрачными свидѣтелями безпутно проведенной ночи валялись объѣдки хлѣбныхъ корокъ, толстая кожа отъ кусковъ осетрины, огрызки малосольныхъ огурцовъ, чайная посуда съ давно остывшею водой и двѣ пустыхъ бутылки изъ-подъ водки; вдали, на полу около стѣнки, выстроились въ рядъ съ дюжину опорожненныхъ пустыхъ бутылокъ изъ-подъ пива...

Тутъ хоть бы и не Надеждѣ Ивановнѣ, этому хрупкому созданію, впору завизжать!..

Стала просыпаться пароходная прислуга, изъ люка вылѣзали съ заспанными физиономіями матросы, степенно умывались они холодною рѣчною водой, вытирались подоломъ собственной рубахи, истово крестились на виднѣвшіеся издали храмы Божіи, и рабочій день выходилъ на свою трудовую дорогу.

Побойчѣе пошелъ и пассажиръ. Вотъ пріѣхалъ полицейскій чинъ и прошелъ прямо въ первый классъ. Должно быть богатый, подумалъ я.

— Это, что, исправникъ что-ли? спрашиваю матроса.

— Н... не... Какой такъ исправникъ... Нашъ становой...

— А... а... а..!

Прошелъ коридоромъ, по бокамъ котораго размѣщены семейныя каюты; осмотрѣлъ общій залъ перваго класса; наткнулся на маленькую каютку съ закопченною вывѣской „буфетъ“.

Эта свобода передвиженія произвела на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

Публика повемножку все подѣвжала, да подѣвжала; съ берега ужъ неслись шумъ и ругань; матросы и золотородцы стали нагружать товаръ, намѣченный къ отправкѣ съ этимъ пароходомъ; появился помощникъ командира.

— А гдѣ берутъ билеты?

— А вы далеко?

— До В...

— О, это успѣете: дорогой возьмете...

Господи, какъ все просто-то!

А на желѣзной дорогѣ?

Первое дѣло—порядокъ.

Жандармъ во всякое время къ твоимъ услугамъ...

Сдачу провѣрять некогда...

Взялъ билетъ и скорѣй отходи. Не прохлаждайся, другимъ не мѣшай, потому просить честию, не затруднять гг. кассировъ сдачею, и не затрудняешь, а тамъ глядь—двухъ трехъ копѣекъ не досчитался...

Есть имъ когда возиться съ тобой!

Ариѳметикѣ-то учишься раньше, во младости, а не около кассы. Тутъ тебя обучать практически...

Вотъ это Европа!

Вотъ это порядокъ!

Нѣтъ, какъ хотите, а вода—великое дѣло: она вольный духъ развиваетъ... Любовь къ свободѣ...

Стенька Разинъ гдѣ дѣйствовалъ?

На Волгѣ.

А откуда появился Емельянъ Ивановичъ Пугачевъ?

Съ Дону...

Гдѣ устроили грандіознѣйшую забастовку?

На почтѣ... На желѣзной дорогѣ...

Впрочемъ, это кажется дѣло было на сухомъ пути...

Спустился въ свой адъ машинистъ, гдѣ давно шла подготовительная работа его помощниковъ. Затопили пекло, слѣдовательно—скоро будетъ чай.

Пассажиры все прибываютъ. Наблюдая за ними, я замѣтилъ, что и они великолѣпно располагаются на пароходѣ, совершенно по-домашнему: одинъ, наприимѣръ, снялъ съ себя длинные съ бураками сапоги, досталъ изъ чемодана туфли и надѣлъ ихъ; другой—крахмальную сорочку смѣнилъ на ситцевую, подпоясался ремешкомъ, взялъ полотенце и мыло и пошелъ умываться.

Все это мнѣ очень нравилось.

Появились лакеи.

— Эй, милый! Какъ дѣла на счетъ кипяточку? — спрашиваетъ пассажиръ.

— Можно-съ. Сколько приборовъ прикажете?

— Четыре чашки и стаканъ, заказалъ пассажиръ.

Лакей придвинулъ небольшой продолговатый столикъ, развернулъ два боковыя его крыла и получился столъ довольно помѣстительный; накрылъ его бѣлой скатертью и вскорѣ принесъ чайную посуду. Въ маленькій чайникъ пассажиръ насыпалъ собственнаго чаю, и лакей побѣжалъ его заваривать.

— Да ты только, смотри, сырой воды не давай: а то ребя-

тамъ опять придется животомъ маяться, какъ въ прошлый разъ.

— Помилуйте! что вы-съ... У насъ постоянно кипить...

— Знаемъ мы, какъ кипить-то...

— Скажите, пожалуйста, обращаюсь я къ сосѣду: здѣсь можно и свой чай имѣть?

— А то какъ же-съ иначе-то? Они вѣдь глядятъ по гривеннику за стаканъ, или сорокъ копѣчекъ полпорціи. Это въ одинъ день пропьешься...

— Экая досада, я не зналъ этого. Не захватилъ съ собою ни чаю, ни сахару.

— Времени еще много... Ступайте на берегъ да тамъ въ лавкѣ и купите... На пароходѣ чай, я вамъ скажу, первое дѣло... Какъ скучно, такъ пятакъ въ зубы за приборъ, воды сколько хочешь и наслаждайся...

Я внялъ голосу благоразумія и поднялся на берегъ. Здѣсь въ какой-то капельной лавченкѣ на курьихъ ножкахъ приобрѣлъ полъ-осьмушки чаю за 18 коп., фунтъ сахару, два бѣлыхъ хлѣба и бутылку молока.

Вернулся на пароходъ и заказалъ себѣ тоже приборъ.

Въ это время вся семья моего сосѣда размѣстилась на диванахъ около стола. Семья довольно большая: онъ самъ, сама, два мальчика и дѣвочка въ возрастѣ отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ, затѣмъ дѣвочка лѣтъ 4-хъ, а пятый ребенокъ съ роговымъ рожкомъ во рту откровенно валялся на своихъ не совсѣмъ чистыхъ пеленкахъ.

Какъ же это такъ, думаю я: не считая даже младенца въ пеленкахъ, ихъ все-таки шесть человекъ, а приборовъ только пять?

Но мамаша скоро разрѣшила мнѣ этотъ вопросъ: она напоила сперва младшую дѣвочку, а потомъ сама стала пить изъ этой же чашки. Анъ пятакъ въ карманѣ.

Принесли и мнѣ чай. Ужъ я пилъ его, пароходъ тронулся, а я все пью.

Дорвался за пятакъ-то, радъ, словно отъ роду чаю не видалъ. Да я бы и не скоро отсталъ отъ него, если бы не одолѣло меня любопытство подняться на верхъ, посмотрѣть на ходъ парохода, на работу машины, на берега рѣки, на публику.

Поднялся я на нижнюю палубу; народу масса: артель рабочихъ съ своими инструментами (пильщики), двѣ-три семьи татаръ болтали что-то на своемъ прыткомъ языкѣ; бойкіе чер-

ноглазые татарчата въ своихъ тюбетейкахъ шныряли туда и сюда; богомолки съ клюками и мѣшками растянулись тутъ же...

Выйдя изъ-подъ верхней палубы на открытое мѣсто, около рубки I класса, я тутъ засталъ уже другую публику: вотъ мамаша съ дочкой; у дочки въ рукахъ красивый зонтикъ, охраняющій отъ загара ея бѣлую кожу лица и шеи, надъ мамашей раскрытъ синій дождевой зонтъ огромнѣйшихъ размѣровъ; это скорѣй цѣлая палатка венгерскихъ цыганъ, а не зонтъ. Да зонтъ другихъ размѣровъ и не смогъ бы защитить эту огромнѣйшую даму отъ солнечныхъ лучей; и при такомъ-то зонтѣ она изнывала отъ жары, хотя это былъ всего восьмой часъ утра и навстрѣчу парохода подувалъ легкій вѣтерокъ.

— Маменька! пора бы ужъ и за чай приняться!

— И... и... Любочка! Будетъ тебѣ болты-то болтать... Въ экую жарынь и слышать-то про него тошно, а не то что пить. Хошь, такъ спроси приборъ да и пей съ Богомъ.

— Да! жарко ей, бѣдняжкѣ: даже ноги раздвинула на аршинъ другъ отъ друга.

— Страсть тутъ хорошо!.. Продуваесть!.. И не уйдешь отсюда...

Удивительно для меня было одно явленіе: немного погулялъ я по палубѣ, немного подышалъ этимъ чуднымъ по чистотѣ и аромату воздухомъ, а ужъ что-то вѣсть захотѣлось...

Неужели это дѣйствіе рѣки?

Очень можетъ быть: не даромъ же въ послѣднее время, въ видахъ укрѣпленія организма, особенно дѣтскаго, стали устраиваться морскія экскурсіи, кромѣ чистоты воздуха, путешественникъ пользуется прекраснымъ сномъ и аппетитомъ, а это, если не все, то очень многое для разбитой нервной системы городского жителя.

Да, трехъ-четырехнедѣльное путешествіе на пароходѣ, даже на рѣчномъ, можетъ, мнѣ думается, несравненно больше принести пользы, нежели каторжная жизнь на дачѣ, а особенно для такъ называемыхъ дачныхъ мужей, сплошь и рядомъ обращающихся въ какихъ-то вьючныхъ животныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что-то позываетъ къ буфету...

Пошелъ. Маленькая каютка сплошь увѣшана чайной и другой посудой—въ предупрежденіе боя ея, если не отъ качки, которая не можетъ быть опасна на этой спокойной рѣкѣ, то отъ мелей, встрѣчающихся здѣсь въ это время очень часто.

Посмотрѣлъ на часы — безъ четверти десять; ни то, ни се,

а вѣсть хочется. Обѣдать рано, а если завтракать, такъ этакъ, пожалуй, и прозавтракаешься... Начетисто будетъ.

Но когда я вошелъ въ общую каюту второго класса, то увидалъ, что этимъ дѣломъ всѣ занимаются, стало быть не на меня одного вѣдунъ напалъ.

Впрочемъ, тутъ много помогаетъ не одинъ воздухъ; многіе вѣдятъ просто отъ нечего дѣлать.

Спросилъ карточку. Она интересна: на первомъ мѣстѣ красуется рыба и дичь—осетрина, стерлядь, рябчикъ, тетеревъ и т. д. Одно только неизвѣстное мнѣ блюдо поразило меня въ преисъ-курантѣ „за пробку—50 коп“!

Оказывается, что вино и водку вы можете пить свои, но откупоривать ихъ дозволяется только штопоромъ парходнаго лакея, за что вы и платите буфетчику косвеннаго налога по полтинничку съ бутылки.

Но русскаго человѣка этимъ не проймешь: много, много разъ я замѣчалъ, какъ подъ покровомъ громаднаго сакъ-воюжа наливалась изъ цѣлой бутылки рюмочка, опрокидывалась въ ротъ, и такимъ упрощеннымъ образомъ обходился законъ о пошлинахъ.

Но вотъ и первая пристань.

XXXI.

Раздались обычные свистки; на палубѣ бѣготня, суматоха...

— Что такое за свистки? спрашиваю у лакея.

— Подходимъ къ пристани.

— А!.. Интересно посмотрѣть.

Поднялся на верхнюю палубу и ужъ совсѣмъ иная обстановка, иная жизнь представилась моимъ глазамъ — жизнь рабочая, изъ-за копейки.

Высокая и крутая гора была усеяна народомъ, преимущественно бабами и ребятами, сбѣжавшими поглазѣть на пароходъ, на прибывшихъ пассажировъ. Однѣ изъ любопытства скатились внизъ подъ гору, поближе къ пароходу; другія — нажать деьгу, заняться коммерческими оборотами. У пяти-шести бабъ въ рукахъ лукошки съ вареными и печеными яицами; а нѣкоторыя догадались изжарить въ постномъ маслѣ пойманную мужемъ-рыбакомъ небольшую рыбешку и предлагали ее потребителю; у третьихъ на самодѣльныхъ лоткахъ—пироги и хлѣбы; четвертыя притащили ягоды, незрѣлую па-даль—яблоки, и т. д.

Крестьянки въ пестрыхъ паневахъ, бѣлыхъ холщевыхъ съ ластовицами рубахахъ домашняго издѣлія; изъ-подъ паневъ виднѣются крѣпкія, мускулистыя рабочія ноги, покрытыя густымъ налетомъ загара, наслоившимся постепенно въ теченіе цѣлаго лѣта.

Громкій говоръ толпы носится надъ рѣкою, но пароходъ отчалить, и все вновь погружится въ могильную тишину деревенской жизни. Только лѣтомъ и то два раза въ сутки живетъ такую жизнью береговая деревня.

Но вотъ и другой видъ деревенскаго заработка: молодыя, здоровыя, на стальныхъ ногахъ женщины и дѣвушки, попарно, таскаютъ съ берега на пароходъ дрова. Эта работа непродолжительная, но тяжелая; тащутъ двѣ бабы на носилкахъ такую прощину дровъ, какую двое мужчинъ порознь никогда не въ состояніи унести. На тяжесть труда вамъ указываютъ тѣ крайне напряженныя вены, которыя обрисовываются на коричневыхъ ногахъ труженицъ.

Но онѣ этого не замѣчаютъ; онѣ только посмѣиваются на откровенныя любезности ловеласовъ всѣхъ возрастовъ и званій. Въ эту мѣстность, далекую отъ столичной жизни, далекую отъ фабричныхъ и заводскихъ центровъ, еще не успѣли проникнуть прелести „прогресса“, которыми красна жизнь нашего времени; не было еще тогда ни башмачковъ на высокихъ каблукахъ съ подковками, ни лифовъ въ обтяжку, ни полинялыхъ зонтиковъ, охраняющихъ фізіономію отъ загара, ни двухъ дырочекъ на томъ мѣстѣ лица, гдѣ по положенію долженъ бы сидѣть носъ. Однимъ словомъ, деревня еще не торопилась стать на путь такого прогресса, и врачамъ не такъ много приходилось возиться съ шалостями игривой бабенки—богини Венеры.

Дрова натасканы, кладь размѣщена, пассажиры всѣ на мѣстахъ; даютъ свистокъ, за нимъ — другой; убираются сходни; слышится команда капитана, и пароходъ тихонько отходить отъ пристани.

Что-то ѣсть хочется... Спросилъ полпорціи ветчины, съ большимъ аппетитомъ съѣлъ ее и улегся на свое мѣсто; растянулся во весь ростъ, а что-бы было поспокойнѣе даже снялъ штіблеты; очень хорошо! Развернулъ захваченную съ собой книгу, началъ было читать... да скоренько что-то буквы стали прыгать въ глазахъ... Какая-то тяжесть легла на вѣки, и я не замѣтилъ, какъ заснулъ...

Когда же проснулся, большинство пассажировъ уже пило вечерній чай. Взглянулъ на часы — пять. Что же теперь дѣ-

латъ? Давай по-барски обѣдать. Заказалъ себѣ два блюда. Подали кушанье, превосходно приготовленное. Очевидно, буфетчикъ-татаринъ добросовѣстно относился къ своему дѣлу и бралъ недорого, что-то шесть-семь гривенъ.

Солнце уже подошло къ горизонту, когда я вышелъ посидѣть на палубѣ. Все тотъ же чистый, цѣлебный воздухъ питалъ мои легкія. Тишина на рѣкѣ и на берегахъ поразительная...

Въ десять часовъ спустился къ себѣ внизъ, отворилъ маленькое окошечко и улегся.

Ночью все было бы хорошо, если бы чей-то монотонный голосъ не разбудилъ меня. Прислушиваюсь и понять не могу этихъ выкрикиваній: „Подъ табакъ!.. Подъ табакъ! Пять!.. Четыре!.. Три съ половиной!.. Три!..“ Пароходъ еле-еле двигался. Затѣмъ опять пошло „подъ табакъ“...

Это, какъ я узналъ потомъ, былъ промѣръ рѣки, что особенно необходимо дѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы не очутиться на мели.

А несчастье—сѣсть на мель—грозило всѣмъ большими неприятностями: и владѣльцу парохода, изъ кармана котораго приходилось бы платить цѣлой деревнѣ за помощь, оказанную при съемкѣ парохода съ мели; и командиру съ матросами предстояло бы удовольствіе много поработать тутъ, а пассажирамъ простоять на мѣстѣ три, четыре, а иногда и двѣнадцать часовъ. Разумѣется, для всѣхъ тутъ былъ убытокъ, и потому такъ называемые перекаты пароходы ночью проходили тихо и съ большими предосторожностями.

Но несмотря на всѣ выкрикиванья, на палубную возню и движеніе во время остановокъ, я скоро къ этому привыкъ и опять заснулъ богатырскимъ сномъ, какъ и всѣ пассажиры общей каюты.

Проснулся и вижу—пять часовъ утра. По распisanію я долженъ прибыть на мѣсто не позже семи, слѣдовательно, скоро покажется и городъ, гдѣ мнѣ придется жить. Я умылся, неторопясь собралъ и связалъ весь багажъ и вышелъ на палубу.

Недавно появившееся солнышко ярко освѣщало клочекъ всезенной. Мнѣ бросилось въ глаза громадное пространство, занятое непроходимымъ сосновымъ боромъ, спокойно росшимъ въ теченіе многихъ лѣтъ подъ охраною нашихъ прадѣдовъ, дѣдовъ и отцовъ; посторонняя рука еще не коснулась этого богатства; Колупаевы и Разуваевы не добрались до него, а

только еще протягивали крючковатые лапы хищника плели, и мѣстами уже и набрасывали мертвую петлю...

Да: небо, вода, сосна и песокъ—вотъ что было нарисовано Создателемъ на картинѣ, представившейся моимъ глазамъ.

Вижу, не я одинъ, а многіе пассажиры стали появляться на палубѣ; это указывало на близость цѣли моего путешествія.

— Скажите, пожалуйста, скоро В.? обратился я съ вопросомъ къ пассажиру, тоже собиравшему свои пожитки.

Онъ взглянулъ въ окошко и отвѣтилъ:

— Да вотъ... Косауръ проѣхали... черезъ полчаса подойдемъ къ пристани.

Благодаря высокому берегу, сильно изломавшему прямую линію рѣки, города не было видно; но когда пароходъ прошелъ этотъ выступъ, то на лѣвомъ берегу забѣлѣлъ рядъ прибережныхъ домиковъ.

Передъ городомъ потянулась сосновая роща; изъ-за высокихъ стволовъ сосенъ проглядывали двѣ заводскія трубы—это канатная фабрика; далѣе шла уже улица, начинался рядъ домовъ, небольшихъ, большею частью деревянныхъ, не отличавшихся особой замысловатостью архитектуры, но новенькихъ, чистенькихъ, повидимому, недавно покрашенныхъ; надъ ними, вдали, высились главы церквей, виднѣлась пожарная каланча—все какъ быть слѣдуетъ.

Широко раскинувшись по берегу рѣки, городокъ своими постройками, окутанными уже блекшею зеленью, въ общемъ производилъ очень хорошее впечатлѣніе. Сойдя съ пристани, я нанялъ извозчика, взвалилъ на экипажъ всю поклажу и велѣлъ везти въ гостиницу.

Извозчики тамъ не такіе, какъ вездѣ: ни у одного изъ нихъ вы не найдете рессорной пролетки, всѣ ѣздятъ на долгушахъ, въ родѣ коротенькихъ линеекъ, на рейкахъ—(дрожинахъ). Я не зналъ, чѣмъ объяснить это обстоятельство: дешевизною, прочностью, или же требованіемъ мѣстной почвы—сыпучихъ песковъ.

Поворотъ влѣво открылъ подъемъ на улицу, представлявшую изъ себя довольно крутую гору, такъ что лошадь пошла шагомъ, еле-еле таща кромѣ долгуши какіе-нибудь 10—12 пудовъ.

Взобрались на гору и вступили на базарную площадь, посреди которой высился большой соборный храмъ, который съ двухъ сторонъ былъ охваченъ каменными рядами съ магазинами и лавками.

Городъ только-что начиналъ жить, лавки попроще готовились къ приему покупателя, а такъ называемые магазины еще не отпирались. Съ площади мы вступили въ большую, прямую, какъ стрѣла, главную улицу, въ началѣ которой были номера Молодякова, гдѣ я долженъ былъ найти первый для себя пріютъ въ городѣ В.

Я занялъ небольшой номерокъ и велѣлъ дать мнѣ умыться; привелъ себя въ приличный видъ и въ 9 часовъ направился въ прогимназію, гдѣ жилъ инспекторъ.

Хотя глава эта и коротенькая, но я думаю ее закончить. Все дальнѣйшее я посвящу, главнымъ образомъ, средней школѣ, съ которой въ слишкомъ тридцатилѣтній періодъ успѣлъ познакомиться довольно коротко. Не пройду мимо и тѣхъ дѣятелей, съ которыми такъ ли, сякъ ли мнѣ приходилось имѣть дѣло.

XXXII.

Уѣхалъ я изъ одного уѣзднаго г. К. въ другой, В., сосѣдней губерніи. Увлечшись своими личными дѣлами и дѣлишками, я съ непростительнымъ невниманіемъ прошелъ мимо такого важнаго момента исторіи, какъ возстаніе славянъ на Балканахъ въ 1876 году, и жизни русскаго общества того времени. Вызванный этимъ возстаніемъ небывалый подъемъ духа сознательнаго русскаго гражданина вынуждаетъ меня вернуться назадъ. Да проститъ мнѣ читатель и хронологія сіе преступленіе, но я не могу оставить этого въ сторонѣ. Моментъ—черезчуръ захватывающій русскаго человѣка, пережившаго его...

На востокѣ показалось страшное зарево пожара.

Возстаніе славянъ Балканскаго полуострова, война сербовъ, болгаръ и черногорцевъ съ Турціей, этихъ мелкотравчатыхъ милостивыхъ государей съ великой державой, цѣликомъ захватила въ свои лапы все русское общество. Да вы не думайте, что это фраза. Это вытекало изъ каждаго движенія, каждой мины лица, каждаго полуаршина холстины, пожертвованной голодающей крестьянкой въ пользу Краснаго Креста. Казалось,—(да не казалось) не было ни одного города, ни одного села, которые бы не откликнулись чѣмъ-либо на призывъ страдальцевъ-братьевъ. Газеты были переполнены телеграммами и статьями и о звѣрствахъ турецкихъ баши-бузукъ, и о тѣхъ страданіяхъ, которыя переносили отъ нихъ славяне.

Иллюстрированные журналы того времени рисовали такія

за сердце хватающія картины, что не было возможности хладнокровно относиться къ этимъ описаніямъ.

Слишкомъ глубоко залегали эти картины въ душѣ сознательнаго русскаго человѣка.

Появился на міровой сценѣ генераль Черняевъ. Одни его считаютъ неудавшимся карьеристомъ; другіе—человѣкомъ, которому больше терять нечего; это ихъ дѣло. Но мы, милліоны маленькихъ людей, считали его человѣкомъ, отмѣченнымъ божественнымъ перстомъ.

Съ Черняевымъ одновременно является полковникъ Кирѣевъ и многіе другіе, которые предложили свои услуги Сербіи.

Славянскій Комитетъ формировалъ отряды русскихъ добровольцевъ и отправлялъ ихъ на театръ войны. Многіе изъ нихъ были отбросы русскаго общества; такіе отбросы, которые не въ состояніи были удержать имени русскаго на извѣстной высотѣ; но еще болѣе было такихъ, которые ставили на карту собственную жизнь за славянское дѣло. Душу свою отдавали за други своя.

Отправка добровольцевъ всегда сопровождалась такими оваціями съ громами, молніями и пушечными выстрѣлами, объѣдами и зажигательными крайне откровенными рѣчами и тостами, что въ сочувствіи самого правительства не оставалось мѣста для сомнѣній.

Народное движеніе не только увлекло за собою правящія сферы, но захватило и Царя-Освободителя...

Повсюду устраивались гулянья, концерты и спектакли въ пользу славянъ, и трудовая народная копейка рѣдкою лилась на помощь страдающимъ братьямъ.

Да вѣдь это былъ не опереточный фарсъ, а сама жизнь!..

Замѣтно было и передвиженіе войскъ.

Нашъ маленькій кружокъ учителей уѣзднаго и приходскихъ училищъ, къ которому примыкали и офицеры квартировавшей тутъ конно-артиллерійской бригады, и другія лица интеллигентныхъ профессій, не могъ не примкнуть къ общему движенію и проявилъ необычайную дѣятельность, рискуя многими трудовыми копейками, добытыми собственнымъ горбомъ.

Нужно сказать, что этотъ небольшой кружокъ часто ставилъ любительскіе спектакли; и такъ хорошо сыгрался и сплотился, что, пользуясь лѣтнимъ временемъ, задумалъ дать три гулянья въ пользу славянъ, съ глубокой вѣрой въ благопріятные результаты своего предпріятія.

Въ городѣ былъ вѣковой садъ съ превосходными густыми аллеями—свидѣтелями широкой, безпечальной барской жизни крѣпостного времени. Но... теперь, увы!

Большинство бесѣдокъ обратились въ руины, „густолиственныхъ кленовъ аллеи“ были запущены и заросли травой; деревья аллеи срослись, спутались и служили удобнымъ убѣжищемъ для семейныхъ удовольствій галокъ и воронъ; нѣсколько гипсовыхъ статуй стояли съ отбитыми носами, съ проломленными головами, съ выдернутыми руками, покрытыя пылью, обратившеюся въ грязь...

Окружавшій владѣнія каменный заборъ, у котораго давнымъ давно облупилась штукатурка, поросъ чуть ли не деревьями.

Безпощадное время наложило на все свою всеразрушающую руку...

Прошло всего какихъ-нибудь шестнадцать, семнадцать лѣтъ со дня эмансипаціи крестьянъ и...—такая разруха!..

Со стороны смотрѣть — и то тяжело!

Оставимъ думы въ сторонѣ и пойдемъ далѣе.

Нашъ кружокъ задумалъ воспользоваться этимъ прелестнымъ мѣстечкомъ, этой „забытой усадьбой“, для предположенныхъ гуляній. Нашелъ ходы къ владѣльцамъ сада и встрѣтилъ полное сочувствіе съ ихъ стороны къ нашимъ затѣямъ. Съ каждымъ совѣтомъ нашихъ главарей затѣи эти все ширились и ширились. Мы уже не довольствовались спектаклями, да музыкой, да танцами; нѣтъ, мы привлекли къ этому дѣлу заводскихъ инженеровъ, которые устроили намъ электрическое солнце!

Электрическое солнце въ семидесятыхъ годахъ, въ уѣздномъ городѣ, когда сама старушка-Москва освѣщалась еще газовыми рожками, да и то не вездѣ...

И вдругъ, въ нашей-то захолустной Муръѣ—электрическое солнце!!.

Конечно, при нашихъ широкихъ затѣяхъ мы не могли ограничиться однимъ гуляньемъ. Доходъ съ него, имѣя въ виду очень скромную плату, назначенную за входъ въ садъ, едва-ли бы покрылъ наши расходы, а потому мы рѣшили дать три гулянья.

На громадномъ лугу поставили обширную эстраду, устроили сцену, на которой поставлены были спектакли, состоявшіе изъ небольшихъ веселенькихъ комедій и водевилей.

Публика (за особую плату) занимала партеръ подъ открытымъ небомъ, а остальная гуляющая бѣднота пользовалась спектаклемъ за кровный пятакъ стоя. Всѣ недоступныя свѣту

солнца Божія аллеи сада освѣщались разноцвѣтными бумажными фонариками и были довольно эффектны.

Каково было большинство публики, можете судить по тому, что послѣ каждого гулянья одну подсолнечную шелуху приходилось вывозить возами!..

Особенно запечатлѣлось въ моей памяти послѣднее гулянье.

Какъ разъ въ это время чрезъ нашъ городъ проходилъ казацкій полкъ, которому была назначена здѣсь трехдневная стоянка.

Это было то время, когда пѣхота не затруднялась ходить, артиллерія таскать ядра, кавалерія, а особенно казаки, скакали когда угодно, куда угодно, за чѣмъ угодно и какъ угодно...

Они еще не были сознательными гражданами, понятія не имѣли о забастовкахъ, но умѣли дѣлать свое дѣло. Это ихъ неотъемлемая доблесть и достоинство, до котораго въ настоящее время надоdorости...

Курицу казакъ украдетъ, бывало; это вѣрно, но за то и дѣло сдѣлаетъ чисто...

Милѣйшій полковой командиръ и гг. офицеры не только что прибыли чуть ли не всѣмъ составомъ къ намъ на гулянье, но и прислали свой хоръ трубачей, своихъ казацкихъ пѣсельниковъ и плясуновъ. Это было самое веселое гулянье, которое принесло и самый большой доходъ.

Весь этотъ день хмурилось небо. Бродили подозрительныя тучи. Все говорило за то, что гулянье легко можетъ не удасться и поглотить остатки и отъ предыдущихъ двухъ гуляній... Ребромъ ставился вопросъ быть, или не быть?

Но, въ надеждѣ на казацкихъ офицеровъ, большинство рѣшило—быть гулянью.

Во время самаго спектакля хлынулъ проливной косою дождь. Хляби небесныя разверзлись, и море воды опрокинулось на бѣдную землю.

Я игралъ какую-то роль въ пьесѣ, когда водяныя веревки съ неба хлестали меня прямо по лицу и заставляли оборачиваться къ публикѣ задомъ и такъ вести сцены чуть ли не въ теченіе 10—15 минутъ.

Я хохоталъ, какъ сумашедшій, а публика...

Да вы, можетъ, думаете, что она вся разбѣжалась?

Ничуть не бывало: открыла зонтики и, не трогаясь съ мѣста, хохота во все горло.

Я отъ роду никогда не испытывалъ такого веселаго настроенія и не видалъ ничего подобнаго!..

Разразившійся ливень только напугалъ насъ, но ничего не испортилъ; напротивъ, онъ приподнялъ настроеніе.

Хорошо убитыя еще крѣпостнымъ трудомъ дорожки сада, подъ непроницаемымъ покровомъ сросшихся деревьевъ, были почти сухи и не мѣшали гулять; иногда только шаловливый вѣтерокъ покачивалъ верхушками деревьевъ, и на публику падали застрявшія крупныя капли дождевой воды; но это только подогрѣвало общее веселье.

Нежданные гости наши—казаки донцы—держали себя очень мило, любезно, просто, были ко всѣмъ крайне внимательны, и никому не приходило въ голову, что ваша курица въ это время могла очутиться на пикѣ какого-нибудь денщика...

На войнѣ — другое дѣло... Хоть и казакъ, а желудокъ-то дурацкій съ нимъ прибылъ на войну...

Офицерство приняло весьма живое участіе въ нашемъ праздникѣ. Хоръ казацкихъ пѣсельниковъ, обладая великолѣпными голосами, взрощенными привольнымъ воздухомъ степей, познакомилъ публику съ своими напѣвами и съ своею удивительно ловкою граціозною пляскою, въ которой принимали участіе и простецы-офицеры. Какъ было замѣтно, что они плоть отъ плоти, и кость отъ казацкихъ костей!

Они имѣли громаднѣйшій успѣхъ среди к—го общества!

Танцы затянулись далеко, далеко за тьму ночную; электрическое солнце—дѣло ума и рукъ человѣческихъ—давно поблѣднѣло и отъ злости, и отъ усталости, а съ востока уже глядѣла на насъ однимъ глазкомъ міровая свѣча Предвѣчнаго Творца міра!..

Музыка неустанно гремѣла, то артилерійская, то казацкая; то раздавалась ухарская хоровая казацкая пѣсня, то слышалась мелкая дробь казацкой пляски.

Но вотъ пауза въ двѣ минуты.

Раздался ритурнель безконечной кадрили съ разными фокусами, которые выдѣлывала публика подъ дирижерствомъ неутомимаго артиллерійскаго офицера, превзошедшаго въ этотъ вечеръ...

Кого бы это превзошедшаго?

Ей, ей, не подыщу даже и сравненія!..

Буфетъ, конечно, торговалъ исключительно великолѣпно...

Но—пожалуйста... На вашихъ губахъ, кажется, появилась подозрительная улыбка?..

Повѣрьте, она неумѣстна: въ пользу славянъ три гулянья принесли болѣе 500 руб. чистенькихъ, несмотря на плату отъ 5 коп. до полутора рублей, и на громадныя расходы, вызванные

главнымъ образомъ подготовкой сада, постройкой сцены, приобрѣтеніемъ флаговъ, фонариковъ и т. п. вещей. Такой цифры у насъ не давало ни одно благотворительное предпріятіе.

Я всегда отдалялся отъ коммерческихъ сторонъ подобныхъ предпріятій, и потому мнѣ оправдываться въ этомъ нѣтъ надобности.

Народъ: заводскіе рабочіе; прикащики, мѣщане,—многіе съ своими семьями—выплыли можетъ быть въ первый и въ послѣдній разъ въ своей жизни на свѣтъ Божій и принесли свои пятаки. Немудрено, что очистка сада послѣ каждого гулянья требовала большого расхода на уборку одной подсолнечной шелухи...

Гулянья эти зародили во мнѣ мысль написать о нихъ въ столичныхъ газетахъ. Я выбралъ „Современныя извѣстія“, весьма распространенную въ то время газету, издававшуюся Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ, а редактировавшуюся его племянникомъ, Ѡ. А. Гиляровымъ.

Мои корреспонденціи, помѣщавшіяся редакціей цѣликомъ, натолкнули меня на продерзостную мысль: а не смогу ли я написать что-либо другое, а не какую-то корреспонденцію?...

Написалъ небольшой разсказецъ, всего въ 6—7 главъ и отправилъ; жду приговора редакціи. Каждый день съ трепетнымъ біеніемъ сердца я разрывалъ газетную бандероль и бросался прежде всего къ „почтовому ящику“.

Проходитъ недѣля... другая... отвѣта нѣтъ!..

Плохо!

Заброшенъ, думаю, мой трудъ, моя первая попытка шагнуть по стезѣ литератора, въ редакціонную корзину—въ эту могилу недоношенныхъ, недозрѣлыхъ и непризнанныхъ талантовъ, несбывшихся надеждъ и упованій.

Наконецъ, дождался: „ваша повѣсть не будетъ напечатана“!

Коротко и ясно!

По третьему пункту!

Безъ объясненія причинъ! Ловко!

Ну, что жъ дѣлать! Не будетъ, такъ не будетъ! глубоко вздохнувши надъ могилою своего дѣтища, подумалъ обанкрутившійся авторъ.

Но у меня уже образовалась привычка читать „Современныя извѣстія“, и начиналъ я свое чтеніе всегда съ „почтового ящика“. Точно ходилъ на кладбищѣ, гдѣ похоронили мое все-таки дорогое для меня „дítě“...

И вдругъ... Представьте мое удивленіе: чрезъ три-четыре дня я вторично читаю въ томъ же „почтовомъ ящикѣ“: „ваша повѣсть будетъ напечатана“!

Ужъ не сонъ ли? Нѣтъ... дѣйствительность! Мое дѣтище воскресло и ему суждено увидѣть свѣтъ Божій!..

Почему произошла такая скоропалительная метаморфоза, право, не знаю.

Вскорѣ получилъ я письмо отъ С. А. Гилярова съ подтвержденіемъ, что повѣсть будетъ напечатана и даже указанъ почтовый гонораръ.

Этого уже я никакъ не ожидалъ!

Вскорѣ же я рѣшился съѣздить въ Москву съ исключительной цѣлью познакомиться съ Гиляровымъ, поблагодарить его и, если можно, завязать постоянныя сношенія.

Собрался и поѣхалъ. Боже! какъ разыгралась моя безудержная фантазія, когда я, усѣвшись въ вагонъ, выпустилъ ее на вольную волюшку... Ужъ если не Тургеневъ, не Толстой, не Достоевскій сидѣлъ въ вагонѣ третьяго класса и ѣхалъ въ Москву, то по меньшей мѣрѣ я видѣлъ въ себѣ одного изъ Успенскихъ...

Контора редакціи „Современныхъ извѣстій“ помѣщалась на Воздвиженкѣ, въ Ваганьковскомъ переулкѣ. Помѣщеніице довольно грязноватое и темноватое. Встрѣтила меня тамъ какая-то почтенная дама, очень любезно побесѣдовала со мной, сообщила, что Гилярова въ городѣ нѣтъ, что живетъ онъ на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ, и дала его адресъ, такъ какъ поджидать его въ Москвѣ у меня не было ни времени, ни охоты, а главное денегъ.

Такъ какъ я ѣхалъ на свиданіе не съ этой дамой, а съ Гиляровымъ, то не повидаться съ нимъ значило не достигнуть своей цѣли, ради которой я порядочно растрясъ свой и безъ того тощій кошелекъ, и я рѣшилъ добратся до него по указанному адресу. Нашелъ дачу. Вхожу за низенькую рѣшетку и направляюсь по дорожкѣ къ террасѣ, на которой легкой вѣтерокъ беззаботно поигрывалъ полотняными драпировками, обшитыми красною кумачевой каймой съ разными фестонами.

Никого что-то не видать... Не у кого даже спросить... А, между тѣмъ, двери дома, ведущія на террасу, отворены настезь... Какое-то сонное царство!

„Ну, народъ!.. подумалъ я: жулья въ Москвѣ пропасть... Одна Хитровка со своимъ голоднымъ и пьянымъ населеніемъ

чего стоитъ, а они живутъ, какъ говорится, душа на распашку.

Наконецъ, слышу сзади голосъ: вамъ кого?

Оборачиваюсь и вижу дѣвицу, или даму—(Христось ее знаетъ),—повидимому, горничную, вооруженную травяною метелочкой; голова накрыта платочкомъ; передъ платья заткнутъ за поясъ.

— Миѣ бы нужно видѣть Ѳедора Александровича:

— Пожалуйста на балконъ... я сейчасъ доложу—и скрылась..

О, простота, простота! Отъ старушки-столицы въ то время еще несло чѣмъ-то былымъ, давно ушедшимъ въ область преданій... Не знали (да и нужды на видали въ томъ) ни американскихъ замковъ, ни наложенныхъ на двери цѣпочекъ, черезъ которую васъ насквозь проглядываетъ единый глазъ, а въ головѣ мелькаетъ обычный вопросъ: жуликъ, или не жуликъ? Пускать, яли не пускать?

Да, несло царившимъ въ то время духомъ великаго бытописателя „темнаго царства“ А. Н. Островскаго, который гдѣ-то, кажется въ „Тяжелыхъ дняхъ“, говоритъ: „я живу въ той странѣ, гдѣ дни дѣлятся на легкіе и тяжелые; гдѣ лѣчатся отъ дурного глаза; гдѣ вѣрятъ, что земля стоитъ на трехъ китахъ, изъ коихъ одинъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, кажется, начинаетъ шевелиться... Однимъ словомъ—я живу въ Пучинѣ“!..

Вошелъ на балконъ: стоитъ столъ, накрытый скатертью; на немъ самоваръ, кофейникъ, посуда, серебряныя ложки...

Цапъ! и прощай!

Да вѣдь настоящаго серебра! Не то, что нынѣ, въ вѣкъ пара, электричества, бумажнаго бѣлья Мей и Эдлихъ и готовыхъ лодвинскихъ штановъ изъ діагонали какого угодно цвѣта за 1 р. 75 коп., а съ пересылкой—1 р. 90 к. съ ручательствомъ на... двѣ недѣли...

Наконецъ-то въ дверяхъ показывается высоченная, довольно плотная фигура въ пиджакѣ, подъ нимъ бѣлая сорочка съ разстегнутымъ воротомъ, на босыя ноги надѣты шмыгалки-туфли безъ задниковъ, больничнаго фасона. Это и былъ Ѳ. А. Гиляровъ, племянникъ Н. П. Гилярова-Платонова, преподаватель одной изъ московскихъ гимназій, соредакторъ „Современныхъ извѣстій“ и составитель незамысловатой русской грамматики, впрочемъ, въ то время весьма распространенной.

Слишкомъ 30 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и я, конечно, не могу въ точности воспроизвести нашу краткую бесѣду. Да она и не могла имѣть общаго интереса; она была интересна исключительно для меня...

Онъ снисходительно отнесся къ моему первенцу, совѣтовалъ больше не только читать, но и вчитываться въ произведенія нашихъ литературныхъ магнатовъ: Тургенева, Толстого, Достоевскаго...

Я вышелъ отъ него, точно съ седьмого неба, и рѣшилъ все свободное время отдавать чтенію и писанію. Читать-то я, дѣйствительно, много читалъ, но писать... увы! Болото уѣздной жизни понемногу затягивало мои благія намѣренія... Служба... карты... выпивка... политическіе и литературные споры, отъ которыхъ даже у плѣшивыхъ вставали волосы дыбомъ.

Какая ужъ тамъ литература!.. Гдѣ тамъ писать!

А повѣсть моя была напечатана. Заработалъ я на ней рублей 80; на нихъ была куплена хорошенькая мебель для гостиной, глядя на которую, мнѣ частенько приходила на память притча о талантахъ...

Я былъ рабъ лукавый и лѣнивый!

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

